

О. А. ХАЛАБУДЕНКО

*Олег Анатольевич Халабуденко, доктор права,
доцент Международного свободного университе-
та Молдовы (ULIM), г. Кишинев*

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АКТЫ, ФАКТЫ И ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В научной методологии понятие «факт» используется в двух основных значениях: во-первых, как предположение, фиксирующее эмпирическое знание (форма эмпирического знания), во-вторых, как синоним истины. В сфере правовой действительности фактом признается произошедшее в виде явления или процесса обстоятельство. Факт как предмет науки и факт, значимый для участников правового общения – юридический факт, представляют формы эмпирического знания. Однако если в классической логике истинность вывода верифицируется соответствием его действительности, то в правовой действительности истинность нормативной прескрипции сама по себе не может быть выведена из какого-либо жизненного обстоятельства. Другими словами, дескриптивное (связка «есть») и нормативное (связка «должно быть») не находятся в причинной связи: «из того, что есть, нельзя сказать, что мы должны делать»¹.

По нашему мнению, последовательное разрешение вопроса о соотношении сущего и должного позволяет критически пересмотреть позиции ученых, сложившиеся в отношении юридических актов и фактов², и вывести новое знание, отвечающее цели настоящей работы.

Цель статьи состоит в демонстрации результатов, полученных в результате исследования частнопровых юридических актов и фактов с применением приемов и подходов, выработанных современной деонтической логикой и юридическим конструктивизмом.

Юридический факт – понятие нормативное; он порождает правовые последствия, потому что правопорядок признает за ним свойства (реквизиты), сообщающие такие последствия. В силу этого явления и процессы действительности подразделяются на юридически безразличные и юридически значимые факты. С юридико-догматической точки зрения юридические факты представляют собой фрагменты действительности, определенные гипотезой правовой нормы. Следовательно, модельные признаки юридического факта закрепляются в гипотезе правовой нормы. Модель поведения, зафиксированная в правовой норме, выражается в форме высказывания о нем (высказывание о норме). Последнее (норма-суждение) представляет собой разработанную и действующую в рамках определенного правопорядка «модель разрешенного или запрещенного поведения, посредством закрепления которой <...> государственная власть оповещает лиц о возможных положительных или отрицательных последствиях поведения, предусмотренного той или иной правовой нормой»³.

В самом деле, «...когда говорят, что права возникают, изменяются и прекращаются, то хотят сказать только то, что наступают те реальные события или факты, с которыми объективный правопорядок соединяет в каждом конкретном случае представления о возникновении, изменении и прекращении прав. Но эти факты и связанные с ними юридические последствия стоят не в отношении причинности друг к другу»⁴. Таким образом, логическую связь имплицативного типа, установленную между гипотезой и диспозицией (санкцией) правовой нормы, не следует отождествлять со связью, которую участники правового общения признают между наступившим фактом и признаваемыми правопорядком правовыми последствиями. Связь между фактическими обстоятельствами и правовыми последствиями признается в силу существования самой правовой нормы, независимо от формы выражения последней. В гипотезе правовой нормы закрепляется модель (структура) юридического факта. При наличии соответствующих модельных признаков конкретный факт признается условием возникновения соответствующих правовых последствий. В этой связи следует согласиться с точкой зрения М. А. Рожковой, отметившей, что «... юридическим фактом может считаться только тот жизненный факт, с абстрактной моделью которого норма права связывает наступление последствий...»⁵.

Сам факт как единичное, конкретное явление или процесс становится юридически значимым с момента своего наступления, и лишь с этого момента возникают определенные правовые последствия, определенные нормой права. И только в этом смысле юридический факт как факт реальной действительности может быть «отнесен к разряду конечных, неделимых (не разложимых на составные части) субстанций...»⁶.

Однако «факт-гипотезу» (логический антецедент) нельзя объяснить, не обратившись к базису объяснения – множеству явлений действительности, предшествующих или сопутствующих «факту-основанию» возникновения определенных правовых последствий⁷. Юридический факт как основание определенных правовых последствий с точки зрения логики – это «подобласть, которой придаются каузальные объяснения»⁸, но которая охватывается более широкой областью действительности. Объяснение факта как явления или процесса, влекущего определенные последствия, может быть осуществлено при помощи «практического силлогизма». Большая посылка сообщает нам сведения о цели действия (отражает социальную закономерность),

меньшая (норма права) – связывает определенное действие (факт) с целью действия (эффектом действия), рассматривая его как средство достижения такой цели, заключение – правовая ситуация сообщает об использовании этого средства для достижения цели⁹.

«Как подводящая модель является моделью каузального объяснения и объяснения в естественных науках, так, – по мнению Г. Х. фон Вригта, – практический силлогизм является моделью телеологического объяснения в <...> социальных науках»¹⁰. Если каузальное объяснение указывает на прошлое и в нем предполагается номическая связь между причинным фактором и фактором-следствием (*потому что, quia*), от наличия которой зависит справедливость каузального объяснения, то телеологическое объяснение указывает на будущее (*для того чтобы, ut*), номическая связь в таком случае не является решающим фактором в определении справедливости телеологического объяснения¹¹.

Следовательно, функциональный (инвариантный) подход к объяснению правовых явлений не может быть признан достаточным; применимый для этого практический силлогизм предполагает выяснение определенной цели совершившегося факта: объект телеологического объяснения (экспланандум) описывает некоторый результат поведения, который субъект интенционально достиг. По справедливому замечанию Р. фон Иеринга: «Действовать – и действовать ради какой-либо цели – значит одно и то же; деяние без цели – такая же бессмыслица, как следствие без причины»¹².

Определив юридические факты как явления или процессы, в действительности имевшие место быть, следует ответить на вопрос о природе такой действительности (реальности): является ли она, применительно к юридическим фактам, объективной или субъективной. Известно, что сознание индивида подразделяет все явление на те, которые зависят от собственных поведенческих актов, и на те, которые не зависят от его осознанного поведения. Таким образом, субъективной (лат. *subiectum* – предмет, подлежащее) признается та действительность, которая подчинена воле лица, объективной – все то, что находится за пределами его волевого поведения. Очевидно, отнесение юридических фактов к явлениям исключительно объективной действительности входит в противоречие с пониманием факта как основания возникновения определенных правовых последствий, поскольку к числу таковых, прежде всего, относятся субъективные права, приобретение, осуществление и защита которых связаны с совершением волевых (подчиненных воле лица) поведенческих актов. Само понятие «субъективное право» при этом рассматривается как социальная ценность, поскольку обеспечивает легитимное присвоение объекта присвоения. Оценка этой ценности зависит от признания ее обществом и защищенности правопорядком. Вне правовой формы легитимное, социально-ценностное присвоение благ не может быть осуществлено. Отсюда следует, что действительную полную ценность объекту присвоения придают не его потребительские свойства, а права, возникшие у субъекта в отношении объекта на должном основании¹³.

В самом деле, само понятие «факт» происходит от латинского слова *factum*, что означает «сделанное» и в этом смысле, с одной стороны, доступно объективно для других лиц, а с другой – подчиненное лицу, принявшему участие в «сделанном». Отсюда – предположение, что все явления, с которыми связываются правовые последствия, следует делить на акты волеизъявлений и собственно факты, которые в свою очередь могут иметь антропогенный или природный генезис. Акты и факты выступают центральными элементами соответствующих юридических конструкций, сообщающих действию ожидаемые правовые эффекты.

Частноправовой юридический акт (от лат. *agere* – действовать) представляет собой волевое поведение лица, направленное на определенный правовой результат, признаваемый и защищаемый правопорядком. Акт допустимо рассматривать как внешне проявленный аспект сознания действующего субъекта права, опирающийся на его волю и интеллект и сообщающий определенные правовые последствия, поскольку таковые признаются правопорядком. Акт, совершаемый лицом, оценивается им как субъективно переживаемая действительность. Другими участниками правового общения акт воспринимается как факт объективной действительности. Дифференциация внутреннего и внешнего аспекта актов важна, прежде всего, с точки зрения их толкования.

Поскольку в задачу права входит «оценочное решение о взаимосталкивающихся интересах, а не дескриптивная фиксация действительности»¹⁴, при толковании договора приоритет в правопорядках, следующих европейской правовой традиции, отдается согласно воле сторон. Обусловлено это тем, что знание о правовых состояниях и правовых ситуациях относится к классу валютативных; оно относится к компетенции ценностного восприятия и описывает мир должного в прескрипциях¹⁵. Оценочное решение может быть принято сторонами или юрисдикционным органом посредством анализа действительной воли, изъявленной ими.

Однако, очевидно, что не следует отождествлять психологическую волю, общую для всех явлений человеческого духа, с юридически значимой волей. Поскольку постигнуть волю возможно лишь посредством анализа заявления, оценка волевого акта представляется проблематичной. Следовательно, анализ воли и волеизъявления становится единственно возможным, если обратиться к договору как к юридической (а не фактической) конструкции. Другими словами, акты волеизъявлений следует толковать по правилам толкования самого договора, принимая во внимание его эффекты, а не наоборот. Ведь юридически значимая воля объективирует свой результат исключительно по тем правилам, которые установлены для ее изъявления, и ограничивается «теми значениями, которые были доступны для понимания стороной-адресатом»¹⁶ договора.

Выделение внутреннего и внешнего аспектов действия актов важно также с точки зрения их классификации, которую следует осуществлять в зависимости от того, на какой правовой результат они направлены. В этой связи принципиальное значение приобретает доктрина распорядительного акта, цель совершения

которого состоит в выведении субъективного имущественного права из состава имущества лица, ее совершившего, либо обременение имущества одного лица имущественным правом, принадлежащим другому лицу. Дело в том, что автономная квалификация действий, направленных на перенос вещного права, исключает возможность истребовать вещь, безосновательно оказавшуюся у другого лица вследствие совершения недействительного распорядительного акта, неправомочным на то лицом. Другими словами, притязания, вытекающие из эффективно оспоренного распорядительного акта, могут быть заявлены только правомочным лицом и только в пользу того лица, которое совершило такой акт. Игнорирование же распорядительных актов умаляет абсолютный эффект действия субъективного права, приводя к разрушению соответствующих конструкций.

Следует учитывать, что посредством акта может быть установлено, осуществлено, передано только субъективное право, но не фактическое состояние. Поэтому, в частности, не является юридическим актом передача вещи во владение по договору имущественного найма или по договору безвозмездного пользования имуществом, поскольку владение (фактическое состояние) здесь служит пользованию вещью. В этой связи представляется неверным широко принятая в специальной литературе классификация договорных типов, объединяющая в одну группу договорные обязательства, исполнение по которым влечет отчуждение права, и договоры, устанавливающие обязанность по передачи вещи в пользование¹⁷.

Определенные сложности вызывает оценка передачи движимой вещи во владение, когда с данным действием правопорядок связывает переход права собственности от традента к реципиенту. Известно, что правопорядки стран Восточной Европы в решении этого вопроса в целом придерживаются каузальной традиции. Передача вещи во владение в этой системе оценивается в контексте конструкции, обеспечивающей производный способ приобретения права собственности; по сделкам *inter vivos* это – конструкция договора. При этом сама передача представляет собой юридический факт, влекущий правовые последствия в виде перехода права собственности, поскольку она каузально связана с наличием действительного обязательственного договора. Итак, исследование основания приобретения права собственности в силу исполнения договорного обязательства позволяет сделать следующие выводы: во-первых, акт, направленный на передачу вещи, не лишен основания, его вещный эффект связан с соответствующим обязательственным договором (такая связь осуществляется в рамках обязательственно-правовой конструкции, согласно природе которой возникновение вещного права обусловлено существованием действительного обязательственного договора); во-вторых, этот акт направлен на отчуждение права собственности, а значит, к нему соответствующим образом применимы положения о распорядительной сделке, защитное действие которой связано с охраной прав традента (с учетом *animus domini transferendi*); в-третьих, акт, опосредующий установления обязательства по передаче вещи в собственность, и эффекты действия по передаче находятся в правовой связи (действительность обязательственного договора обуславливает эффективность действий по передаче вещи, однако недействительность действий по передаче не влечет недействительности обязательственного договора); в-четвертых, действия по передаче вещи опосредуют сингулярное транслятивное правопреемство и рассматриваются в контексте производного способа приобретения права собственности; в-пятых, добросовестное приобретение вещи (соответствующая владельческая ситуация) рассматривается как самостоятельный факт-состояние, оцениваемый в конструкции давностного владения, совпадающего с моментом передачи вещи (первоначальный способ приобретения права собственности).

Фактические обстоятельства, иные чем акты (поступки, противоправные факты, факты-состояния и события), признаются правопорядком достаточным правовым основанием для установления субъективного права при условии, что юридически значимая воля лица либо непосредственно выражена в действии, с которым связывается их возникновение, либо предполагается выраженной, и это предположение предусмотрено законом в качестве опровержимой презумпции. Именно поэтому владение вещью сообщает фактической ситуации правовой характер при условии, что лицо не только обладает вещью, но и выражает намерение (волю) владеть вещью от своего имени.

В отличие от актов не все факты имеют в своем составе волевое содержание. Так, лишены волевого эффекта события (например, наступление или истечение срока), действия (обстоятельства), находящиеся за пределами контроля стороны отношения. Факты, лишённые волевой составляющей, сами по себе не способны служить основанием приобретения субъективного права, поскольку оно присваивается лицом лишь по его воле (выраженной или предполагаемой). Такие факты следует рассматривать как предпосылки (факты-предпосылки) возникновения определенных правовых последствий.

Исходя из презумпции добросовестности лиц, вступающих в гражданско-правовые отношения, акты, направленные на определенный правовой результат, достойный с точки зрения правопорядка защиты, предполагаются правомерными. Акт признается правомерным, поскольку он не противоречит закону, основам правопорядка и нравственности (в этом проявляется объективная *causa* акта). В случае совершения лицом неправомерного деяния поведение действующего (бездействующего) представляет собой противоправный факт, дающий основание заявить правопритязание. Так, ничтожная сделка дает право притязать на применение последствий ее недействительности, оспоримая сделка – требование ее недействительности и применение последствий ее недействительности, безосновательное обогащение – право требовать возврата имущества, полученного *sine causa*, причинение вреда – право требовать его возмещения. Во всех случаях названные действия являются фактами, наличие которых позволяет заявить предусмотренные соответствующей конструкцией правопритязания, реализация которого осуществляется в форме охранительного право-

отношения. Очевидно, что оценку категорий «акт» и «факт» следует осуществлять не просто с позиции лица действующего, а только лица, действующего правомерно.

Итак, юридические факты представляют собой форму эмпирического знания об обстоятельствах, с которыми нормы права связывают определенные правовые последствия. Факты и правовые последствия не находятся в отношениях причинности. Факты-гипотезы можно объяснить, обратившись к базису объяснения – правовому результату, отражающему *causa* факта. Факты, с которыми правопорядок связывает возникновение прав, представляют собой субъективную действительность (реальность). Факты выступают центральными элементами соответствующих юридических конструкций, в контексте которых они как их элементы и оцениваются. Акты и факты не следует отождествлять с соответствующими юридическими конструкциями.

¹ Юрьев Р. А. «Гильотина Юма» и теория действия в аналитической и феноменологической философии [Текст] / Р. А. Юрьев // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 2 (26). – С. 180–189. – С. 180. – (Серия «Философия. Социология. Политология».)

² См., в частности: Савиньи Ф. К. фон. Система римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Куталадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, Одесса: Центр Исследования права им. Савиньи, 2012. – Т. II. – 573 с. – С. 215–221; Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. – М. : Статут, 2005. – Т. 2. – 494 с. – С. 49–241; Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М. А. Рожкова // Исслед. центр частного права. – М. : Статут, 2009. – 332 с. – С. 4–126.

³ Маньковский И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : моногр. / И. А. Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – 288 с. – С. 19.

⁴ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров; под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 816 с. – С. 643–644.

⁵ Рожкова М. А. Цит. соч. – С. 18.

⁶ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учеб. / В. А. Белов. – М. : Изд-во Юрайт, 2011. – Т. II. Лица, блага, факты. – 1093 с. – С. 464.

⁷ Там же. – С. 458–459.

⁸ Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования / Г. Х. фон Вригт // Изб. тр. ; пер. с англ. / Под общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. – М. : Прогресс, 1986. – 600 с. – С. 53.

⁹ Большой юридический словарь [Текст] / В. А. Белов [и др.] ; ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 704 с. – С. 64.

¹⁰ Вригт Г. Х. фон. Цит. соч. – С. 64.

¹¹ Там же. – С. 116.

¹² Иеринг Рудольф фон. Цель в праве / Рудольф фон Иеринг. – Санкт-Петербург : Издание Н. В. Муравьева, 1881. – Первый том. – 412 с. – С. 9.

¹³ Халабуденко О. А. Имущественные права / О. А. Халабуденко. – Кишинев, 2011. – Кн. 1. Вещное право. – 305 с. – С. 27.

¹⁴ Шапп Я. Система германского гражданского права : учеб. / Ян Шапп ; пер. с нем. С. В. Королева. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 306 с. – С. 210.

¹⁵ Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельный подход к анализу человека, общества, истории / К. Х. Момджян. – М., 2013. – Ч. 1. – 399 с. – С. 56; Хмелевская С. А. Норма права в ракурсе рефлексивного знания / С. А. Хмелевская, Д. Н. Ермаков // Государство и право. – 2015. – № 10. – С. 107–111. – С. 107.

¹⁶ Байрамкулов А. К. Основы учения о толковании гражданско-правового договора / А. К. Байрамкулов // Вестник гражданского права. – 2013. – № 6. – С. 5–40. – С. 21.

¹⁷ См., например: Брагинский М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 1999. – 848 с. – С. 399–400.

Резюме

Халабуденко О. А. Приватноправові акти, факти і юридичні конструкції: деякі методологічні зауваження.

Стаття присвячена деяким питанням теорії юридичних актів і фактів. Автор зазначає нормативний характер юридичних фактів і стверджує, що логічний зв'язок між гіпотезою і диспозицією (санкцією) правової норми не слід ототожнювати зі зв'язком, який учасники правового спілкування визнають між фактом, що відбувся, і визнаними правопорядком правовими наслідками. На думку автора, факти-гіпотези можна пояснити, звернувшись до базису пояснення – правового результату. Факти, з якими правопорядок пов'язує виникнення правового результату, являють собою суб'єктивну дійсність (реальність). Факти виступають центральними елементами відповідних юридичних конструкцій, у контексті яких вони як їх елементи і оцінюються. Акти і факти не слід ототожнювати з відповідними юридичними конструкціями.

Ключові слова: акти, факти, юридичні конструкції, розпорядчий акт, методологія.

Резюме

Халабуденко О. А. Частнопрововые акты, факты и юридические конструкции: некоторые методологические замечания.

Статья посвящена некоторым вопросам теории юридических актов и фактов. Автор отмечает нормативный характер юридических фактов и утверждает, что логическую связь между гипотезой и диспозицией (санкцией) правовой нормы не следует отождествлять со связью, которую участники правового общения признают между наступившим фактом и признаваемыми правопорядком правовыми последствиями. По мнению автора, факты-гипотезы можно объяснить, обратившись к базису

об'яснення – правовому результату. Факти, с которыми правовой порядок связывает возникновение правового результата, представляют собой субъективную действительность (реальность). Факты выступают центральными элементами соответствующих юридических конструкций, в контексте которых они как их элементы и оцениваются. Акты и факты не следует отождествлять с соответствующими юридическими конструкциями.

Ключевые слова: акты, факты, юридические конструкции, распорядительный акт, методология.

Summary

Halabudenko O. Legal acts, facts and juridical construction in private law: some methodological remarks.

The paper is devoted to some issues of the theory of legal acts and facts. The author notes the normative character of legal facts and argues that the logical correlation between the hypothesis and disposition (sanction) of the legal norm should not be identified with a correlation between the matured fact and legal consequences admitted by the legal order that are recognized by the participants of legal communication. According to the author, the facts-hypothesis can be explained by referring to the basis of explanation – the legal result. The facts the legal order associates with the initiation of rights constitute a subjective reality. Facts are the central elements of the relevant legal constructions whereby they are evaluated as their elements. Acts and facts should not be identified with the appropriate legal constructions.

Key words: acts, facts, legal construction, act on disposition, methodology.

УДК 34(091):347(091):929(092)

Д. Д. БУЯДЖИ

Дмитро Дмитрович Буяджи, аспірант Національного університету «Одеська юридична академія»

«ХАРКІВСЬКИЙ» ПЕРІОД В ІНТЕЛЕКТУАЛЬНІЙ БІОГРАФІЇ ПРОФЕСОРА О. І. ЗАГОРОВСЬКОГО

Останніми десятиріччями майже синхронно у різних галузях соціогуманітарного знання відбувся «антропологічний поворот», що актуалізував питання людського виміру в історії ідей, або інтелектуальній історії. Водночас наприкінці 80-х рр. минулого століття у західному науковому дискурсі навколо проблеми біографічного аналізу сформувалися дві платформи: представники першої заперечували пізнавальну цінність біографічної інформації, розглядаючи її лише як «ілюстрацію»; представники другої наголошували на тому, що без звернення до «особистої ментальної історії» вченого неможливо досягнути його творчості, генезис його ідей, особливості сприйняття його науковою спільнотою¹. Тоді ж, завдяки представникам другої «платформи», виник новий напрям біографічних досліджень – *інтелектуальна біографія*, – який набув поширення і в сучасній українській науковій біографістиці.

Не залишилась осторонь зазначених процесів і юридична біографістика, завданням якої, серед іншого, є виявлення нових та повернення несправедливо забутих імен правознавців, чий внесок у вітчизняну і світову юриспруденцію з тих чи інших причин не був належно оцінений. Саме до незаслужено забутих належить ім'я *Олександра Івановича Загорівського* (1849–1919 рр.) – вченого-цивіліста, історика права та одного з перших на вітчизняних теренах ювеналіста.

Непересічна постаць цього вченого та юриста, без сумнівів, заслуговує на біографічне дослідження: доктор цивільного права, заслужений ординарний професор, дійсний статський радник, володар низки державних нагород та орденів за професійні здобутки, у тому числі Уваровської премії Імператорської академії наук за дослідження «О разводе по русскому праву». На працях цього вченого, які й сьогодні є вельми цікавими та зберігають своє наукове значення, виховалось не одне покоління юристів.

Аналіз публікацій засвідчив, що до цього часу єдиним джерелом відомостей про життя та наукову і викладацько-педагогічну діяльність О. І. Загорівського слугують дорадянські й сучасні навчально-довідкові видання, присвячені історії вітчизняної цивілістики і невеликий за обсягом біографічний нарис В. О. Томсінова. Єдиний автобіографічний нарис правознавця було надруковано у «Біографічному словнику професорів та викладачів юридичного факультету Імператорського Харківського університету», де він зазначив віхи й напрями своєї діяльності та головні праці.

Застосований нами концепт інтелектуальної біографії вимагає розширення джерельної бази біографічного дослідження, зокрема, за можливості, включення до неї усіх опублікованих матеріалів вченого; наративних джерел (щоденники, спогади сучасників, листування); періодики; документації установ, організацій та корпорацій, що відбиває буденне життя і професійну діяльність вченого; рецензій та посилань на його праці тощо.

Метою цієї статті є реконструкція «харківського» періоду наукової, викладацько-педагогічної та професійно-юридичної діяльності О. І. Загорівського в контексті сучасних підходів у юридичній біографістиці.

Істотна роль у започаткуванні нового напрямку біографічних досліджень – інтелектуальної біографії – належала головно представникам історії економічної думки. Один з найвідоміших серед них – Дональд